

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В «ЗАПИСКАХ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Б. А. Прокудин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

В статье предпринята попытка реконструировать общественный идеал И. С. Тургенева 1840–1850 годов, выраженный в сборнике рассказов «Записки охотника», с помощью историко-политологического анализа. В первой части статьи показано, как на Тургенева повлияли основные социально-политические концепты Ж.-Ж. Руссо, как идеи естественного состояния и естественного человека, нашедшие отражение во многих рассказах «охотничьего» цикла, связаны с представлениями Тургенева о необходимых преобразованиях российского общества. Анализ сборника «Записки охотника» дает возможность уточнить специфику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу накануне отмены крепостного права. Рассказ «Муму», написанный в 1852 г., сразу после выхода «Записок охотника» отдельным изданием, позволяет уточнить характер общественного идеала Тургенева 1840–1850-х годов. Этому рассказу посвящена вторая часть статьи, где автор показывает, как Тургенев довел до логического завершения идеи, которые наметил в «Записках охотника». Крестьяне в его понимании — это сословие детей природы, не испорченных цивилизацией. Они сильны и долготерпимы, но сами влиять на свою судьбу не могут. А способны только на стихийный бунт. Поэтому им нужно даровать права человека, юридическое равенство, отменив крепостное право «сверху». Но ни о каком другом уравнивании не может быть и речи, потому что по своей природе они рождены пахать на барской земле. Анализируя сборник «Записки охотника» и рассказ «Муму» сквозь призму идей Руссо, можно выделить основные черты социально-политического идеала Тургенева накануне Великих реформ. Разделяя исходное представление Руссо об «отпадении человека от природы» и желание вернуться к «первоначальному природному единству», Тургенев пришел к противоположным политическим выводам: республиканизму учителя он противопоставил «дворянский» либерализм.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Записки охотника», «Муму», Ж.-Ж. Руссо, «дворянский» либерализм, крепостное право, Великие реформы.

Н. А. Островская записала в своих воспоминаниях знаменательный эпизод, рассказанный Тургеневым: «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции, вышел я на платформу. Вдруг подходят ко мне двое молодых лю-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00344. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00344.

В основе статьи лежит доклад, подготовленный для Международной конференции «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения» (Институт философии РАН, Россия, 15 ноября 2018 г.), на тему «Социально-политический идеал И. С. Тургенева 1840–1850-х гг. (на материале сборника «Записки охотника» и рассказа «Муму»)».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

дей; по костюму и по манерам вроде мещан ли, мастеровых ли. “Позвольте узнать, — спрашивает один из них, — вы будете Иван Сергеевич Тургенев?” — “Я”. — “Тот самый, что написал «Записки охотника?»” — “Тот самый...” Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. “Кланяемся вам, — сказал все тот же, — в знак уважения и благодарности от лица русского народа”. Другой только молча еще поклонился» (Островская, 1983, с. 86).

«Записки охотника» пользовались огромной популярностью. Только при жизни Тургенева и только на родном ему языке они перепечатывались полностью или по частям свыше 120 раз. Сложно говорить о суммарном тираже всех этих публикаций, но очевидно, что «никакое другое произведение Тургенева и всей современной ему литературы не получило столь же массового распространения в России, не вызвало к себе настолько широкого интереса во всех слоях населения, не пользовалось таким продолжительным и устойчивым спросом, как эта книга» (см.: Громов, 1991, с. 532). Ходили слухи, будто бы Александр II признавался, что «Записки охотника» Тургенева были одним из главных двигателей его крестьянской реформы. А М. М. Ковалевский в своих «Воспоминаниях об И. С. Тургеневе», впервые напечатанных в 1883 г., утверждал, что «некоторые англичане и французы до сих пор не прочь думать, что крестьян освободили у нас потому, что Тургенев написал свои “Записки охотника”» (Ковалевский, 1983, с. 138).

Необходимо заметить, что осуждение крепостных порядков прозвучало в русской литературе еще в конце XVIII в. Первыми, говоря словами Некрасова, сочувственно «вспомнили о народе» А. Н. Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву») и Н. М. Карамзин («Бедная Лиза»), потом — А. С. Пушкин («Деревня»), наконец — Д. В. Григорович («Антон Горемыка», «Деревня»). Все они показали целую галерею крестьянских лиц, но эти лица были в большей или меньшей степени условны: у Радищева крестьяне иллюстрировали мысль о «беззащитном нищете состоянии», крестьянка Лиза у Карамзина, чувствительная «поселянка», будто переведена с французского на русский, условны и пушкинские «девы юные», крестьяне Григоровича также, скорее, призваны показать «горемычное положение и безвинное страдание», поэтому вызывают у читателя не столько личный интерес, сколько жалость. Наиболее же реалистично, без привычной условности, крестьян показал Тургенев: «Именно личностью, а не только “меньшим братом” предстал русский закрепощенный крестьянин в “Записках охотника”, — писал В. А. Недзвецкий, — и это было подлинным художественным открытием» (Недзвецкий, 1998, с. 4). «Личностный» подход и спокойная интонация в описании крестьян в «Записках охотника» были восприняты читающей публикой как наиболее действенная критика крепостного состояния: «Автор, — писал А. И. Герцен, — сознательно никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества» (Герцен, 1958, с. 177).

«Коротенький отрывок в прозе», как определил автор свой очерк «Хорь и Калиныч», был напечатан как будто бы только из-за нехватки серьезного материа-

ла для первого номера «Современника» в отделе «Смесь». И сразу был замечен читателями. Белинский, по просьбе которого и был написан рассказ, ликовал. В письме к Тургеневу от 19 февраля 1847 г. он писал: «Судя по “Хорю”, Вы далеко пойдете. Это Ваш настоящий род. <...> “Хорь” Вас высоко поднял — говорю это не как мое мнение, а как общий приговор» (Белинский, 1956а, с. 336)². Очерк поразил читателей прежде всего необычным содержанием. Автор рассказывает о посещении избы обыкновенного крестьянина, он «с любопытством» смотрит на Хоря и обнаруживает в нем черты, которые обыкновенно считались принадлежностью дворянского сословия: «Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист» (Тургенев, 1991а, с. 11). Калиныч, второй герой рассказа, входит в избу «с пучком полевой земляники в руках, которую нарвал для своего друга, Хоря». Охотник с еще большим удивлением смотрит на Калиныча: он и не мог ожидать таких «нежностей от мужика». Весь очерк полон такими «открытиями». Простой русский крестьянин, крепостной мужик, предстает перед читателем в новом свете, как человек, сознающий свое достоинство. Белинский оценил новаторский взгляд очерка Тургенева, такая «концепция» русского народа была близка ему самому. В «Хоре», писал критик, «автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил» (Белинский, 1956б, с. 346).

Успех «Хоря и Калиныча» мотивировал автора на создание целой серии очерков. С начала февраля 1847 г. он приступил к созданию цикла «охотничьих» рассказов, план которого определился далеко не сразу и в течение 1847–1850 гг. несколько раз изменялся и дополнялся³. За год, с конца 1846 по конец 1847 г., находясь за границей, Тургенев написал основной корпус текстов, 14 рассказов. С меньшей интенсивностью к работе над «Записками охотника» он возвращался на протяжении последующих четырех лет. Рассказы цикла распадаются на несколько последовательно создававшихся групп, объединенных общей направленностью и тематикой. Известная эволюция идейного замысла Тургенева, в связи с важнейшими историческими событиями и общественными дискуссиями своего времени, прослежена в работах В. А. Ковалева (см.: Ковалев, 1980).

Отдельное издание «Записок охотника» (1852), итог почти пятилетнего сотрудничества Тургенева с «Современником», сразу обратило на себя внимание

² Слова «это ваш настоящий род» касаются прозаической формы рассказа. Дело в том, что цикл «Записки охотника» сыграл определяющую роль в жизни Тургенева, сделав его прозаиком. Документальных сведений о начале работы над рассказом, о возникновении замысла нет, однако сам Тургенев любил говорить, что начинал он как поэт, стихи его были неудачны, и он уж думал навсегда покончить с литературой, «как в конце 1846 г. — по просьбе моего друга, Белинского, для его только что основанного журнала — написал первый очерк “Записок охотника”. Он понравился — за ним последовали многие другие — и так я сделался новеллистом и романистом» (Тургенев, 1988, с. 354). К слову, в другом месте Тургенев писал, что «Хорь и Калиныч» написаны по просьбе Панаева (см.: Скокова, 2005, с. 23–24), и до 1846 г. у Тургенева уже были опубликованы несколько произведений в прозе, но самому Тургеневу хотелось именно так выстраивать свою биографию: с «Хоря и Калиныча» начинается Тургенев-прозаик.

³ Наиболее значительное исследование, посвященное истории создания «Записок охотника»: Клеман, 1941.

публики и цензуры. Министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов начал расследование обстоятельств появления на свет сборника, написав служебную записку на имя царя. В результате, на основании устных высказываний Николая I по поводу результатов рассмотрения «Записок охотника», министр народного просвещения информировал соответствующие ведомства, что содержание названного произведения «его императорское величество изволил признать предосудительным», так как значительная часть помещенных в него очерков «имеет решительное направление к унижению помещиков» (см.: Громов, 1991, с. 555). Несмотря на то что все рассказы сборника печатались до этого в журнале по данному от правительства дозволению, царь повелел отставить от должности цензора В. В. Львова, пропустившего в печать отдельное издание. Такое полулегальное положение книги, вызвавшей громадный интерес у читателей, обрекло ее на трудную участь. «Записки охотника» до конца 1850-х годов не переиздавалась, и говорить в печати об этом произведении было нельзя. Поэтому отдельное издание книги не вызвало критических статей, не случайно мнения современников о «Записках охотника» обычно приводятся по письмам или воспоминаниям.

Принято считать, что «Записки охотника» — это яркий протест против крепостного права в России. Известно, что Тургенев крепостное право называл «личным врагом». И в большей части рассказов сборника повествуется о быте русских бесправных крестьян с позиции гуманизма. Однако задача этой статьи — разобраться, какими социально-политическими соображениями руководствовался автор, когда писал «Записки охотника», реконструировать основные черты общественного идеала Тургенева, нашедшего отражение в рассказах сборника⁴.

М. О. Гершензон в работе «Мечта и мысль И. С. Тургенева» высказал соображение, что в основании творчества Тургенева и Толстого лежит одна и та же идея. «Мы безотчетно знаем их как бы представителями двух противоположных типов человека, — писал Гершензон. — Но странно: исток их мышления был один. Как раз в ту решающую пору, когда юноша начинает в сознании, как в зеркале, отчетливо различать свой природный образ и свое назначение, загадка жизни предстала обоим в одном и том же виде, свелась у обоих к одному и тому же вопросу <...> человек выпал из природного единства и вследствие этого отпадения слаб, несчастен, уродлив; как сделать, чтобы вернуться в природу? Все дальнейшее мышление Тургенева и Толстого, и, разумеется, также все их позднее творчество, лишь последовательно разворачивали этот вопрос

⁴ История социально-политических учений как междисциплинарная область знаний предполагает исследование разнообразных источников, не относящихся напрямую к политической теории. Одним из таких источников является художественная литература. Выявление особенностей социально-политической мысли в литературе — задача историко-политологического анализа. Актуальность этого направления, особенно применительно к русской художественной литературе, не вызывает сомнений, если учитывать то колоссальное влияние, которое литература оказывала на российскую политическую реальность. О литературоцентризме русской социально-политической мысли см.: Перевезенцев, 2008, с. 11–22; Ширинянец, 2011, с. 536–546; Перевезенцев и др., 2016.

по двум расходящимся линиям» (Гершензон, 2000, с. 586). Почему столь разные писатели демонстрировали «тождество исходной мысли»? Может быть, «сказывалось единство народного духа», писал Гершензон, может быть, «их неодолимо привел к тому вопросу так называемый дух времени», который характеризовался, в его понимании, назревающим противоречием «восточной самопогруженности русского духа» и «европейского рационализма». «Как бы то ни было, — резюмировал он, — самый факт несомненен: в 1850–1860 годах старший Тургенев и его младший современник Толстой мучились одной и той же думой — оба обожали “природу” и ненавидели в себе и в окружающем обществе “рефлексию”, как причину отщепенства» (Гершензон, 2000, с. 586).

Нам представляется, что на вопрос Гершензона можно дать ответ именно при социально-политическом рассмотрении их творчества. Тургенев и Толстой идеалами юности были связаны с руссоизмом, возможно, отсюда и «тождество их исходной мысли». Разумеется, объяснять «исток мышления» двух великих писателей влиянием на них идей исключительно Ж.-Ж. Руссо было бы неправильно⁵, однако взгляд на их раннее творчество через призму идей Руссо представляется перспективным. Кстати, Толстой в письме 1905 г. признавался: «Руссо был моим учителем с 15-летнего возраста. Руссо и Евангелие — два самые сильные и благотворные влияния на мою жизнь» (Толстой, 1984, с. 582). «Семена, заброшенные Руссо, дали обильные плоды в душе Толстого, — писал В. В. Зеньковский в “Истории русской философии”, — с известным правом можно было бы изложить все воззрения Толстого под знаком его руссоизма» (Зеньковский, 2011, с. 378)⁶.

«Все» воззрения Тургенева изложить «под знаком руссоизма» значительно сложнее, тем не менее в юности он также был увлечен его идеями. Потрясенный искренностью и глубиной самопознания «Исповеди» Руссо в семнадцати-

⁵ Учеными неоднократно отмечалось, что важной вехой в истории идейного и философского развития Тургенева 1840-х годов явилась его статья-рецензия о «Фаусте» Гете в переводе и изложении М. Воронченко (1845), которая вызвала большой резонанс у тогдашних читателей. Рассматривая философские аспекты трагедии Гете, Тургенев стремился обозначить важные проблемы общественной жизни. Для прояснения генезиса многих принципиальных тем в творчестве Тургенева важно его размышление над образом Мефистофеля: «Мефистофель — бес каждого человека, в котором родилась рефлексия; он воплощение того отрицания, которое появляется в душе, исключительно занятой своими собственными сомнениями и недоумениями; он — бес людей одиноких и отвлеченных, людей, которых глубоко смущает какое-нибудь маленькое противоречие в их собственной жизни и которые с философическим равнодушием пройдут мимо целого семейства ремесленников, умирающих с голода» (Тургенев, 1978а, с. 210). Как отмечал Аднан Салим, «тургеневский анализ (образа Мефистофеля. — Б. П.) примечателен тем, что здесь фактически уже намечена философская проблематика таких его будущих произведений, как “Поездка в Полесье”, “Фауст”, “Гамлет Щигровского уезда”, вплоть до романа “Рудин”. <...> И еще один немаловажный нюанс: здесь Тургенев осудил так называемых “лишних людей”, у которых часто расходились “слово” и “дело”; очень скоро он развенчает их еще более убедительно как художник, осудит художественным судом в своих романах и повестях» (Салим, 1983, с. 23–24). Как бы там ни было, очевидно, что «ненависть к рефлексии», о которой говорил Гершензон, могла быть вызвана разными философскими и литературными влияниями.

⁶ Подробнее о влиянии идей Ж.-Ж. Руссо на художественное творчество и социально-политическую публицистику Л. Н. Толстого см.: Прокудин, 2017, с. 213–233.

летнем возрасте Тургенев задумал написать свою автобиографию: «Я хочу написать все, что я знаю о себе, — всю мою жизнь. Для чего я это делаю — две причины. Во-первых, читал недавно “Les Confessions” de J. J. Rousseau. Во мне возродилась мысль написать свою Исповедь» (Тургенев, 1978б, с. 401).

Но эту задумку Тургенев так и не осуществил, а идеи Руссо в наибольшей степени нашли отражение в его цикле рассказов «Записки охотника». Первая попытка интерпретировать «охотничий» сборник при помощи идей Руссо приняла в монографии «Тургенев о правах человека в “Записках охотника”» Л. И. Скокова. Анализируя образ рассказчика, она писала: «“Странный охотник” — “человек природы”, а не “цивилизации”. <...> Эта неразрывность с природой особенно явственно представляется при встречах с крестьянами. И через эту природно-эстетическую призму и преломляются все истории, о которых он повествует» (Скокова, 2005, с. 54–55). Действительно, такое «единение» рассказчика с природой отсылает нас к учению Руссо о естественном состоянии. Скокова в своем исследовании сосредоточилась на художественно-философских основах изображения человека и природы в «Записках охотника», мы же попробуем пойти дальше и показать, как идеи естественного состояния и естественного человека, нашедшие отражение во многих рассказах цикла, связаны с представлениями Тургенева о необходимых преобразованиях российского общества.

Свою идею о естественном состоянии и естественном человеке Руссо впервые высказал в трактате «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1754). В этом произведении он постулировал довольно широко распространенное в политико-правовой мысли Нового времени противопоставление естественного состояния человеческого существования состоянию общественному, но возражал Томасу Гоббсу, который отождествлял естественное состояние с войной всех против всех, и Джону Локку, который изображал его как законопослушное сообщество тружеников и собственников (см.: Магун, 2011, с. 345). Вопреки этим мыслителям, которые, по сути, строили предположения, как современный им человек мог бы себя вести в эпоху до появления государственных учреждений, Руссо полагал, что человек на протяжении истории менялся, эволюционировал, однако в естественном состоянии, до того, как он освоил всевозможные умения, от языка до сельского хозяйства и металлургии, он был совсем другим, он был лучше.

Естественный человек был физически крепче современного человека, желания его не превышали его физических потребностей, а главное, он не был зол от природы. Только в процессе долгой истории человек наконец «совершенствовался», создал сначала более или менее органичное «общество дикарей» и затем — современное государство. Но в результате «прогресса» необратимо изменилась сама его природа. Человек больше не мог существовать без новых «костылей» (жилища, языка, общения). Его естественные страсти стали проходить через рефлексию, теряя свою непосредственность. На смену жалости пришла мораль, себялюбие превратилось в тщеславие и т. д. (см.: Руссо, 2000, с. 112). Одним словом, приход цивилизации на смену естественному состоянию Руссо описывает как потерю первоначальной гармонии, как грехопадение человечества.

Важно сделать уточнение, что натурализм Руссо не опирался на материалистическое мировоззрение, а был идеалистическим или религиозным. Знаменитый лозунг Руссо «Вернемся к природе!» правильно понимать как этический призыв «восстановить нравственный облик человека, предначертанный всеблаготворительной природой». Противопоставление «природа — культура» было тождественно у Руссо противопоставлению «деревня — город». Жизнь в городских условиях калечит людей как физически, так и морально. Соответственно, противопоставление деревни и города тоже имело у Руссо этический характер, т. е. понималось как антитеза нравственного уклада сельчан и безнравственности горожан.

Несмотря на уверенность, что «счастье позади нас», Руссо был оптимистом и считал, что в «золотой век» прошлого есть возможность вернуться. Естественный человек, конечно, не может быть воскрешен, но «человек общественный», по мысли Руссо, существо еще не полностью потерянное. Он может быть приближен к идеальному состоянию посредством «натурального» метода воспитания. Но это больше касается детей. Людям уже «испорченным» цивилизацией Руссо советовал, по выражению М. Н. Розанова, «обратиться с полной симпатией к тому сословию, которое всего ближе подходит к этому идеалу, — к крестьянству» (Розанов, 1910, с. 67). Ведь наиболее органичное состояние для человека, как считал Руссо, — обрабатывать землю и жить ее плодами: «Сословие земледельцев — единственно необходимое и самое полезное; человек в нем становится несчастным, лишь когда его тиранят, измываются над ним, развращают его примером своих пороков» (Руссо, 1968, с. 496). Это слова из романа «Новая Элоиза», и, кажется, они могли бы стать эпиграфом к «Запискам охотника» Тургенева.

Тургенев восхищается крестьянством совершенно руссоистски, как сословием, которое «всего ближе к идеалу». И искренне грустит, описывая факты «тирании». «Изучайте людей этого состояния, — призывает Руссо, — и вы увидите, что у них столько же ума и больше здравого смысла, чем у вас, хотя речь у них и иная» (Руссо, 1981, с. 264). Это уже слова из романа «Эмиль». И можно сказать, что Тургенев откликается на его призыв. Под видом охотника, для которого нет неподобающих мест, он идет туда, где дворяне обычно не бывают: слушает певцов в сельском кабаке, ночует с мальчишками-пастухами на лугу, просит ночлега на сеновале, встречается крестьян в полях и лесах.

Одним словом, если мы посмотрим на содержание сборника «Записки охотника» с точки зрения идей Руссо, то увидим, что Тургенев хранит верность заветам учителя, а его этический принцип предпочтения деревни (крестьянского мира природной гармонии) городу (в случае Тургенева — дворянскому миру цивилизации) делает методологическим основанием своего «исследования» русской жизни.

В общем виде «схему Руссо» у Тургенева можно представить в качестве прямой, на одном конце которой будет условное «единство с природой» (наибольшая близость к естественному состоянию), на другом — «поглощенность цивилизацией» (максимальная отдаленность от естественного состояния). Причем единство с природой для людей будет означать «абсолютную» гармо-

нию, индивидуальность, силу, счастье и красоту. А поглощенность цивилизацией — рефлексию и «отщепенство» (термин Гершензона), стереотипность поведения, слабость, отсутствие счастья и красоты. Всех основных персонажей «охотничьего» цикла мы можем разместить на этой прямой, и неизменно единство с природой будет характеризовать крестьян, а поглощенность цивилизацией — дворян (см.: Прокудин, 2017, с. 221–222).

Пожалуй, ближе всего к природному идеалу в «Записках охотника» можно поставить карикатурного на первый взгляд философа Касьяна («Касьян с Красивой Мечи»). Касьян почти «слит» с природой, он будто часть природного ландшафта: «В низких кустах, “в мелочах”, и на ссечках часто держатся маленькие серые птички <...> Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок полетел, чиликая, у него из-под ног — он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, — Касьян подхватил его песенку. Со мной он все не заговаривал...» (Тургенев, 1991б, с. 82). Несмотря на то что Касьян так далек от рефлексии, что даже не может ответить на вопрос, чем он занят, интуитивно он чувствует, что хорошо, а что плохо. По его мнению, грех — убивать птицу, не предназначенную богом человеку в пищу. Охоту он ставит в упрек «цивилизованному» рассказчику, который стреляет вольного коростеля «для потехи». И нет в современном обществе ни правды, ни справедливости: «Много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, — говорит он, — правды ищут... да!.. А то что дома-то, а? Справедливости в человеке нет, — вот оно что...» (Тургенев, 1991б, с. 86).

Природный человек Касьян, кажется, настолько близок к естественному состоянию, что еще помнит его очертания: «— А что, старик, скажи правду, тебе, чай, хочется на родине-то побывать? — спрашивает у Касьяна рассказчик. — Да, посмотрел бы, — отвечает Касьян. — А впрочем, везде хорошо. Человек я бессемейный, непосед. Да и что! Много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, — подхватил он, возвысив голос, — и полегчит, право. И солнышко на тебя светит, и богу-то ты видней, и поется-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь — сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься — заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этикие стенные места, вот удивление, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот божия-то благодать! И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости... И вот уж я бы туда пошел...» (Тургенев, 1991б, с. 86)⁷.

⁷ Последние слова о птице Гамаюн, всеобщем довольстве и справедливости заставляют вспомнить не только русский фольклор, но и предположения Руссо, что в естественном состоянии люди жили в плодоносных лесах, не объединяясь в общество. А шаг к объединению, судя по всему, был сделан не от хорошей жизни, а вследствие природных катаклизмов. Но решающим фактом, обусловившим «грехопадение» человечества, было открытие собственности. После того, как первые «честолюбцы» обманом завладели собственностью, неравенство начало усиливаться, от труда богатые перешли к экспроприации бедных, а бедные — к востанствиям и грабежам. Именно это привело к возникновению государства путем «ложного»

Чуть дальше от Касьяна на прямой от «единства с природой» к «поглощенности цивилизацией» можно расположить мудрого Хоря («Хорь и Калиныч»), Акулину («Свидание»), мальчишек-пастухов с Бежина луга («Бежин луг»), мрачного лесника Бирюка («Бирюк»), благородного Овсянникова («Однодворец Овсянников»), смирившегося со своей судьбой Калиныча («Хорь и Калиныч»), мужиков из рассказа «Смерть», Сучка («Льгов») и др. Одни из них больше приобщены к цивилизации, другие — меньше, но в целом все они находятся на стороне «деревни» и получают максимальное сочувствие автора.

Ближе всего к обратному идеалу, к состоянию «поглощенности цивилизацией» мы можем поставить героя рассказа «Гамлет Щигровского уезда». В отличие от Касьяна с Красивой Мечи, обладавшего яркой индивидуальностью, герой этого рассказа считает себя настолько лишенным индивидуальности, что не раскрывает «охотнику» своего имени. Руссо писал, что горожане обезличены, «каждый хочет показаться таким же, как другие». Следование общей интеллектуальной моде поколения, по мысли героя рассказа, является его главной и наиболее ненавистной чертой: «Во-первых, я говорю по-французски не хуже вас, а по-немецки даже лучше; во-вторых, я три года провел за границей: в одном Берлине прожил восемь месяцев. Я Гегеля изучил, милостивый государь, знаю Гете наизусть <...> Я тоже заеден рефлексией, и непосредственного нет во мне ничего» (Тургенев, 1991в, с. 189). И далее: «Что мне в том, что у тебя голова велика и уместительна и что понимаешь ты все, много знаешь, за веком следишь, — да своего-то, особенного, собственного, у тебя ничего нету! Одним складочным местом общих мест на свете больше, — да какое кому от этого удовольствие? Нет, ты будь хоть глуп, да по-своему! Запах свой имей, свой собственный запах, вот что!» (Тургенев, 1991в, с. 191).

Чем ближе человек к естественному состоянию, тем менее он «удален от счастья», писал Руссо. «Неоригинальный» Гамлет Щигровского уезда, получивший типичное дворянское воспитание, учившийся в университете, как все, постигший абстрактную немецкую философию, даже влюбившийся, как того требовал культурный образец, в чахоточную деву, чувствует себя глубоко несчастным человеком: «Еще до сих пор цела балка в грунтовом моем сарае, — говорит он, — на которой я неоднократно собирался повеситься!» (Тургенев, 1991в, с. 196). То есть невозможность для человека, «испорченного» цивилизацией, вырваться за рамки культурной и общественной нормы герой рассказа переживает как личную трагедию. Цивилизация будто проникла в его сознание, максимально его ослабив. Гамлет Щигровского уезда осознает свое «отпадение» от природы, свое «отщепенство», но ничего не может поделать.

общественного договора: «Таково должно быть происхождение общества и законов, которые наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили общественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства... и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету» (Руссо, 2000, с. 122). Именно так, по мнению Руссо, человеческий род потерял и первоначальное довольство, и правду, и справедливость.

Среди персонажей-дворян только Гамлета можно назвать «осознанным отщепенцем». Подавляющее большинство представителей высшего сословия не осознают своего отпадения от природы, живут в цивилизованном мире неестественных отношений и становятся предметом тургеневских насмешек. Типичные дворяне, как «аристократы», так и мелкопоместные, смешны Тургеневу своим желанием соответствовать общественной норме. Галерею таких неосознанных «жертв» цивилизации мы можем наблюдать в рассказах «Два помещика», «Мой сосед Радиков», «Лебединь», в первой части рассказа «Гамлет Щигровского уезда» и др.

В «Записках охотника» есть ряд персонажей, которых можно назвать переходными, они не принадлежат к высшему сословию, но стремятся жить в цивилизованном мире дворян. Наиболее ярко такой характер обрисован в рассказе «Свидание», где «избалованный камердинер молодого барина», уезжая со своим хозяином жить в Петербург, прощается с любящей его крестьянской девушкой. Основой рассказа Тургенев делает контрастное описание простой деликатной Акулины и черствого, равнодушного и самовлюбленного камердинера, проводя мысль Руссо о том, что современное общество калечит душу человека, извращает его природные качества, нарушает естественное равенство между людьми. Камердинер показан существом, вырванным цивилизацией из своей природной среды, и от этого — совершенно потерявшим человеческий облик.

Представление Тургенева об уродливости любой попытки «отнять» крестьянина от естественной природной среды помогает нам лучше понять специфику его борьбы с крепостничеством в России. Действительно, Тургенев в юном возрасте принес свою «Аннибалову клятву» бороться с крепостным правом до конца. В «Записках охотника» он «реабилитировал» простого человека — русского крестьянина, подчеркивая, что по «духовному складу» он ничем не отличается от образованного человека и даже часто превосходит его мудростью и благородством. Продолжая идеи Руссо, Тургенев хотел положить конец «тирании» дворян в отношении крепостных, вернуть им человеческое достоинство и неотчуждаемые права, он также не был сторонником «прогрессивных» форм хозяйствования, которые бы отдалили крестьян от естественного состояния.

В этом отношении очень показательна записка «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», написанная в 1842 г., в которой Тургенев защищает «простодушную патриархальность» крестьянской жизни и пишет, что земледелие, в отличие от промышленности, «должно быть прочно и неизбежно, как сама земля, и, не даруя излишнего, вполне обеспечивать жизнь хлебопашца. <...> а потому фантазии некоторых утопистов, желающих насильственно втянуть земледелие в круг промышленности, т. е. пахать землю паровыми машинами, устраивать компании для возделывания земель, словом, уничтожить класс хлебопашцев — такие фантазии и безрассудны, и безнравственны» (Тургенев, 1978в, с. 422). Вырванные из первозданного быта крестьяне, в логике Руссо, как камердинер молодого барина из рассказа «Свидание», обязательно превратятся в пародию на самих себя, потеряют естественность, достоинство и силу.

В сборнике «Записки охотника» Тургенев изображает крестьян людьми, терпящими несправедливость со стороны помещиков, угнетенными, но все-таки представителями самого крепкого русского сословия. В понимании Тургенева, крепостное право нужно отменять с осторожностью. Поэтому в записке «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» он пишет: «Разбирая неудобства нашего хозяйства, я с намерением не упомянул крепостного состояния наших хлебопашцев. Их так называемое рабство было предметом многих довольно пустозвонных разглагольствований, показывающих часто совершенное неведение истинных потребностей России. Мы желаем законности и твердости в отношении помещиков к крестьянам; законность исключает прихоть владельца, а потому и то, что называют рабством» (Тургенев, 1978в, с. 427).

Читая эти строки, мы можем понять Н. Г. Чернышевского, который, сравнивая «Записки охотника» с более критичными в отношении крестьян очерками Н. В. Успенского, отдавал предпочтение последним. Ему не нравилось, что Тургенев (как и его предшественники, дворянские авторы) «идеализировал мужицкий быт» (см.: Чернышевский, 1950, с. 883–884). Ведь если быт крестьян ближе всего к чаемому дворянскими интеллектуалами природному идеалу, то существенные изменения его — зло, а сами крестьяне — просто «милые» дети природы, которые даже и не могут помыслить об изменениях. Чернышевскому было приятней видеть крестьян в их грубости и низости, но способными к прогрессу и борьбе за независимое положение. Тогда как Тургенев совершенно исключал мысль о возможности ликвидации крепостного права силами самого крестьянства⁸. Гипотеза о естественном состоянии, предложенная Руссо, помогала Тургеневу осудить общественное неравенство, но неравенство только юридическое.

Итак, в основании мирозерцания Тургенева лежал руссоизм, и цикл «Записки охотника», возможно, «пропитан» руссоизмом больше, чем все другие его произведения. Однако Тургенев не ставит нигде вопрос о собственности как первопричине социального неравенства. Почему? Складывается впечатление, что Тургеневу больше нравились идеи, выраженные Руссо в художественных произведениях, идиллические картины природы, призывы изучать крестьян. Более же радикальная линия Руссо, его республиканизм, разработанный в трактате «Об общественном договоре», а главное, его критика материального неравенства, предвосхитившая социалистические программы, представленная в трактате «Рассуждение о происхождении неравенства», Тургеневым игнорировалась. При этом руссоистская критика собственности напрямую следовала из его гипотезы о естественном человеке.

⁸ «Записка о крепостном праве» (1857) Тургенева заканчивается призывом к царю инициировать реформу: «Из пятидесяти миллионов крепостных, населяющих обширные пространства России, четырнадцать миллионов, как говорят, принадлежат одному только царствующему дому. Не ему ли и подобает взять на себя инициативу, подать всем пример великодушия и сломить всякое противодействие, не столько именем высшей власти, сколько во имя карающей справедливости и отомщенной гуманности?» (Тургенев, 1986, с. 547).

Очевидно, что гуманистическая направленность творчества Тургенева имеет общечеловеческое значение, но социально-психологическая форма проявления этого творчества — барская. Поборник равенства всех сословий, Тургенев «снисходит» до крестьян, пытается общаться с ними на равных, и в каждом встречает «кротость и уважение», пользуясь, хоть не желая того, вековыми дворянскими привилегиями. Руссо же, по словам А. А. Девильковского, «как живой отпрыск, как атом бесправного народа, всею душой болел за народные права и ненавидел привилегии знати» (Девильковский, 2005, с. 655). Хозяин Спасского, в отличие от «скитальца» Руссо, был слишком привязан к своему поместью, чтобы не болеть душой за таких же обитателей дворянских гнезд, хотя и осуждал их любовь к роскоши и их эксплуатацию народа.

Есть ошибочное представление, будто Руссо идеалом для современно-го ему человечества видел то блаженное состояние, в каком, по его мнению, «человек вышел из рук природы». Руссо, действительно, считал естественное состояние достойным ностальгии, но в то же время был уверен, что возврат к нему в буквальном смысле невозможен. Он полагал, что у естественного человека потребности, чувства и желания были элементарные, несложные. У человека общественного — потребности сложные, искусственные, социальные. Следовательно, счастье естественного человека было бы для нас несчастьем, и наоборот. В соответствии с этим взглядом, Тургенев никогда не призывал дворянство «опроститься» и совсем не собирался отказываться от своих материальных привилегий.

Но, возвращаясь к общим чертам политического идеала Тургенева и Руссо, необходимо припомнить то главное, в чем они были согласны. Оба считали, что залогом счастья является полная личная свобода для человека, под которой они понимали «истинную» свободу гражданскую, т. е. права человека.

Сборник «Записки охотника» можно назвать произведением, содержащим художественную «декларацию» прав человека. Но среди ранних антикрепостнических рассказов Тургенева есть еще один, в котором выражен его социально-политический идеал. Это рассказ «Муму», написанный Тургеневым в 1852 г., сразу после выхода «Записок охотника» отдельным изданием. В нем глухонемой дворник нашел собаку, любил ее, а потом по приказанию хозяйки утопил, потому что собака мешала ей спать. Этот рассказ можно назвать шедевром антикрепостнической пропаганды, сложно найти произведение искусства, в котором крепостное право, тирания будут изображены так, что многие поколения читателей не смогут сдержать слез от жалости к собаке и негодования из-за возмутительной покорности ее хозяина.

Кстати, после выхода рассказа некоторые современники критиковали его за литературные «эффекты», мол, показать смерть щенка в подробностях — беспринципный способ разжалобить читателя. Однако винить в этом Тургенева напрасно, ведь рассказ основан на реальных событиях. Глухонемой дворник в действительности был, и собака была, и жестокая барыня была. Более того, эта барыня была матерью Тургенева. И описанный дом «на одной из отдаленных улиц Москвы» под названием Остоженка был и стоит сейчас.

Но как правильно писал Тургеневу его друг И. С. Аксаков, совсем не важно, был ли в действительности Герасим. Герасим стал идеальным символом русского народа, его «непостижимой силы и кротости»⁹, а главное, немоты. А смерть маленькой собачки с длинными ушами и выразительными глазами нанесла тяжелейший удар по репутации помещичьей власти в России. И репутации самодержавия в целом.

Но внимательно читая Тургенева, мы увидим, что его отрицание крепостного права связано не только с гуманизмом и состраданием к тяжелой участи народа. «Физическая» власть над своими вассалами, писал он, «право самое гнусное, самое возмутительное и в то же время самое опасное» (Тургенев, 1986, с. 538). Чрезмерное насилие может привести к бунту. Герасим может казаться и глухим, и немым, но «он, разумеется, со временем заговорит», — писал Тургеневу И. С. Аксаков в том же письме, имея в виду русский народ. Заговорит, а может, возьмет вилы. Тургенев это чувствовал.

Важно, что свой рассказ «Муму» Тургенев писал в заключении. После статьи-некролога в газете «Московские ведомости», посвященной памяти Гоголя, в которой власти усмотрели крамолу, Тургенева на месяц водворили на съезжую. А рядом с камерой, где сидел писатель, была экзекуционная комната, где секли провинившихся крестьян. Тургенев постоянно слышал через стенку стоны истязаемых и писал «Муму». И может быть, поэтому для своего героя Герасима он придумал бунт. Герасим по приказанию хозяйки утопил собаку, но тут в нем произошла какая-то перемена, он собрался и самовольно ушел из Москвы обратно, в деревню, откуда его насильно забрали за два года до этого. Этот уход описан Тургеневым торжественно. В нем сила человеческого достоинства побеждает рабскую преданность хозяйке.

Но самое поразительное в истории настоящего Немого, который жил у матери Тургенева на улице Остоженка, состоит в том, что он никуда не ушел. Рассказ Тургенева достоверен во всем, кроме концовки. Немого дворника звали Андрей, он утопил собаку, погоревал, но остался верен своей госпоже до самой ее смерти (см.: Житова, 1983, с. 50–51).

А в рассказе происходит бунт. Но это не пушкинский бунт «бессмысленный и беспощадный», а скорее бархатная революция, сторонником которой был Тургенев. И принципиально важно, что Герасим делает после своего «ухода». Он возвращается в деревню, и «помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился, — пишет Тургенев, — но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки — и пошел косить он по-старинному» (Тургенев, 1980, с. 606), за четверых.

То есть Герасим отстоял свое человеческое достоинство и поспешил вернуться к естественному для себя крестьянскому труду. По сути, это и есть идеал

⁹ Это письмо И. С. Аксакова к Тургеневу напечатано: Русский Обозреватель. 1894. № 8. С. 475–478 (цит. по: Битюгова и др., 1980, с. 606). Тургенев написал «Муму» в конце апреля — начале мая 1852 г. и послал И. С. Аксакову для II тома «Московского сборника», запрещенного цензурой. Рассказ был опубликован в «Современнике» в 1854 г.

Тургенева. Здесь мы видим отражение той же руссоистской идеи, что и в рассказе «Свидание». Вырванные из первозданного быта крестьяне, в данном случае дворовые люди, живущие в городе, теряют достоинство и силу, столь свойственную крестьянству. По мнению Руссо, несчастными становятся крестьяне, только «когда их тиранят» и заставляют делать что-то противное их природе земледельцев. Герасим преодолел и тиранию хозяйки, и соблазн «цивилизации».

Получается, что в рассказе «Муму» Тургенев довел до логического завершения идеи, которые наметил в «Записках охотника». Крестьяне в его понимании — это сословие детей природы, не испорченных цивилизацией. Они сильны и долготерпимы, но сами влиять на свою судьбу не могут. А способны только на стихийный бунт. Поэтому им нужно даровать права человека, юридическое равенство, отменив крепостное право «сверху». Но ни о каком другом уравнивании не может быть и речи, потому что по своей природе они рождены пахать на барской земле.

В «Записке о крепостном праве», которую Тургенев написал в 1857 г. для очерка Луи Виардо «История Дмитрия (Этюд о положении крепостных в России)», он в очередной раз повторял, что держать человека в рабстве — это преступление. Но одна из существенных проблем, с которой сталкиваются поборники освобождения крестьян в России, — это общее убеждение крепостных, что земля, «на которой умерли их предки и родились их дети», которую они обрабатывают, принадлежит им. Надо было бы дать им понять, пишет Тургенев, что «им не принадлежит ничего: ни поля, ни дома, ни скот; что все это будет им дано взаймы, в пользование владельцем земли, которому они взамен должны будут платить аренду» (Тургенев, 1986, с. 544). Одним словом, надо освободить крестьян и сдавать им землю в аренду. Тогда помещики «утратили бы только физическую власть над своими вассалами <...> Но они сохранили бы и даже, быть может, приумножили бы свои приносящие пользу и действительные права, производительность и ценность своих имений» (Тургенев, 1986, с. 538). «Приумножили производительность имений» — это ключевые слова.

Историк-марксист М. Н. Покровский был убежден, что желание декабристов, представителей Северного общества, освободить крестьян без земли было связано как раз с намерением увеличить производительность своих имений за счет высокой арендной платы. Гуманная на словах, такая крестьянская реформа предполагала еще большую эксплуатацию, чем раньше (см.: Покровский, 1924, с. 21–25). Крестьян никто больше не имел бы право сечь на конюшнях, но вот заставить их эффективней работать за счет новых экономических механизмов теперь можно было вполне. Читая «Записку о крепостном праве» Тургенева, Покровский, возможно, сделал бы похожие выводы (см.: Прокудин, 2017, с. 227–228).

Но разумеется, при всех парадоксах дворянского либерализма, Тургенев не думал ни о какой эксплуатации. Этот политэкономический термин может только сбить с толку. Он хотел всеобщего блага, как он его понимал, и всеобщего освобождения. Полностью выдуманная финальная сцена рассказа «Муму», когда Герасим возвращается в деревню от жестокой барыни, — это его собственная

ода вольности, высокая поэзия. Чувствуется, какое воодушевление испытывал Тургенев во время ее написания: «Он шел по нем (по шоссе. — Б. П.) с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях...» (Тургенев, 1980, с. 606). Над ним поют перепела и коростели, которых глухой никак слышать не мог. И мы понимаем, что это не Герасим, а сам Тургенев в мечтах идет навстречу свободе, потому что он сам пишет это под арестом. И в России того времени Герасим так же зажат и несвободен, как и его создатель.

Таким образом, в произведениях «Записки охотника» и «Муму» И. С. Тургенев, безусловно, был продолжателем идей Ж.-Ж. Руссо, но республиканизму учителя он противопоставил «дворянский» либерализм. Учитывая, однако, близость исходных позиций, признание Тургеневым тезиса Руссо о естественном человеке и социальной природе зла, можно сказать, что политические идеи писателя представляют собой либеральную интерпретацию руссоизма, основанную на требовании свободы, соблюдении прав человека и юридического равенства.

Литература

Белинский В. Г. И. С. Тургеневу. СПб. 19 февраля (3 марта) 1847 // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956а. Т. 12. Письма 1841–1848. С. 333–337.

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956б. Т. 10. 279–360.

Битюгова И. А., Дубовиков А. Н., Дунаева Е. Н., Кийко Е. И., Лотман Л. М., Назарова Л. Н., Ступель А. М. Примечания // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844–1854. С. 554–685.

Герцен А. И. О романе из народной жизни в России (письмо к переводчице «Рыбаков») // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. 13. С. 170–180.

Гершензон М. О. Мысль и мечта И. С. Тургенева // Гершензон М. О. Избранное. М.; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. Т. 3: Образы прошлого. С. 541–631.

Громов В. А. Судьба «Записок охотника» // Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Наука (Сер. «Литературные памятники»), 1991. С. 532–580.

Дивильковский А. А. Толстой и Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб.: РХГА, 2005. С. 644–692.

Житова В. Н. Из «Воспоминаний о семье И. С. Тургенева» // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. С. 30–75.

Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.

Клеман М. К. Программы «Записок охотника» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. филологических наук. 1941. № 76, вып. 11. С. 88–126.

Ковалев В. А. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. 134 с.

Ковалевский М. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 134–148.

Магун А. В. Век Просвещения и политическая мысль Ж.-Ж. Руссо // Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 337–369.

Недзвецкий В. А. В мире человека и природы («Записки охотника») // Недзвецкий В. А., Пустовойт П. Г., Полтавец Е. Ю. И. С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети». М.: Изд-во Московского университета, 1998. С. 4–13.

Островская Н. А. Из воспоминаний о Тургеневе // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 57–95.

Перевезенцев С. В. К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22.

Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А. Страницы русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2016. № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781> (дата обращения: 13.09.2018).

Покровский М. Н. Очерки революционного движения XIX–XX вв. М.: Красная новь, Главполитпросвет, 1924. 232 с.

Прокудин Б. А. И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой как продолжатели социально-политических идей Ж.-Ж. Руссо // Политическая наука. 2017. Спец. вып. С. 213–233.

Розанов М. Н. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1910. Т. I. 559 с.

Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М.: Художественная литература, 1968. 775 с.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 19–592.

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс, 2000. С. 51–150.

Салим Аднан. Тургенев — художник, мыслитель. М.: Современник, 1983. 224 с.

Скокова Л. И. И. С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». М.: Гелиос АРВ, 2005. 208 с.

Толстой Л. Н. Бернару Бувье. 1905 г. Марта 7/20. Ясная Поляна // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 20. С. 582.

Тургенев И. С. ФАУСТ, трагедия, соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Воронченко. 1844. Санкт-Петербург // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 12 т.: Наука, 1978а. Т. 1: Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски. 1834–1849. С. 197–236.

Тургенев И. С. <Набросок автобиографии> // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 12 т. М.: Наука, 1978б. Т. 1: Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски. 1834–1849. С. 401.

Тургенев И. С. Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 12 т. М.: Наука, 1978в. Т. 1: Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски. 1834–1849. С. 419–430.

Тургенев И. С. Муму // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844–1854. С. 246–273.

Тургенев И. С. <Записка о крепостном праве> // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 12 т. М.: Наука, 1986. Т. 12: Либретто комических опер; Водевиль; Стихотворения; Речи; Записки общественного назначения; Автобиографическое; Незавешенное; Dubia. 1840–1883. С. 531–547.

Тургенев И. С. Морицу Гартману. 28 июля (9 августа) 1863. Баден-Баден // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма в 18 т. М.: Наука, 1988. Т. 5: 1862–1864. С. 353–354.

Тургенев И. С. Хорь и Калиныч // Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Наука (Сер. «Литературные памятники»), 1991а. С. 5–14.

Тургенев И. С. Касьян с Красивой Мечи // Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Наука (Сер. «Литературные памятники»), 1991б. С. 76–89.

Тургенев И. С. Гамлет Щигровского уезда // Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Наука (Сер. «Литературные памятники»), 1991в. С. 182–200.

Чернышевский Н. Г. Не начало ли перемены? // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7. С. 855–889.

Ширинянц А. А. О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 536–546.

Прокудин Борис Александрович — канд. полит. наук, доц.; probor@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 1 июня 2018 г.;

рекомендована в печать: 18 сентября 2018 г.

Для цитирования: Прокудин Б. А. Общественный идеал в «Записках охотника» И. С. Тургенева: историко-политологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 2. С. 226–245. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.202>

THE PUBLIC IDEAL IN “A SPORTSMAN’S SKETCHES” OF IVAN TURGENEV: HISTORICAL AND POLITOLOGICAL ANALYSIS

Boris A. Prokudin

Lomonosov Moscow State University,
27, housing 4, Lomonosov Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation; probor@bk.ru

The article attempts to reconstruct the public ideal of Ivan Turgenev, expressed in the collection of short stories in “A Sportsman’s Sketches” with the help of historical and politological analysis. The first part of the article shows how Turgenev was influenced by the main socio-political concepts of J.-J. Rousseau, as the ideas of the natural state and the natural man, reflected in many stories of “A Sportsman’s Sketches”, are associated with Turgenev’s ideas about the necessary transformations of Russian society. The story “Mumu”, written immediately after the publication of “A Sportsman’s Sketches” by a separate edition, in 1852, allows us to clarify the nature of Turgenev’s social ideal of the 1840–1850s. The second part of the article is devoted to this story, where the author shows how Turgenev brought to its logical conclusion, the ideas that he outlined in “A Sportsman’s Sketches”. Peasants in his understanding are the class of children of nature, not spoiled by a civilization. They are strong and patient, but they can not influence their own destiny. And they are capable only of a spontaneous revolt. Therefore, this is necessary to grant them human rights, legal equality, abolishing serfdom “from above”. But there is no question of any other equation, because by nature they are born to plow on the land of the landowner. By analyzing the collection of “A Sportsman’s Sketches” and the story “Mumu” through the prism of Rousseau’s ideas, one can single out the main features of the social and political ideal of Turgenev on the eve of the Great reforms. Sharing Rousseau’s original idea of the “falling away of a man from nature” and the desire to return to “the original natural unity”, Turgenev came to opposite political conclusions: he opposed the “noble” liberalism to the republicanism of his teacher.

Keywords: Ivan Turgenev, “A Sportsman’s Sketches”, “Mumu”, Jean-Jacques Rousseau, “noble” liberalism, serfdom, Great reforms.

References

Belinskii V. G. I. S. Turgenevu. SPb. 19 fevralia (3 marta) 1847 [Letter to I. S. Turgenev. St. Petersburg. 19 February (3 March) 1847]. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], in 13 vols. Vol. 12. Letters 1841–1848. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956a, pp. 333–337. (In Russian)

Belinskii V. G. Vzgliaad na russkuiu literaturu 1847 goda [A glance at the Russian literature of 1847]. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], in 13 vols. Vol. 10. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956b, pp. 279–360. (In Russian)

Bitugova I. A., Dubovikov A. N., Dunaeva E. N., Kiiko E. I., Lotman L. M., Nazarova L. N., Stupel' A. M. Primechaniia [Notes]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 4. Stories. Articles and reviews. Moscow, Nauka, 1980, pp. 554–685. (In Russian)

Chernyshevskii N. G. Ne nachalo li peremeny? [Is not the beginning of a change?]. Chernyshevskii N. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], in 15 vols. Vol. 7. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1950, pp. 855–889. (In Russian)

Divil'kovskii A. A. Tolstoi i Russo [Tolstoy and Rousseau]. *Zh.-Zh. Russo: pro et contra* [J.-J. Rousseau: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2005, pp. 644–692. (In Russian)

Gershenzon M. O. Mysl' i mechta I. S. Turgeneva [Thought and dream of Turgenev]. Gershenzon M. O. *Izbrannoe* [Selected Writings]. Vol. 3. Images of the past. Moscow, Jerusalem, Universitetskaya kniga Publ., Gesharim, 2000, pp. 541–631. (In Russian)

Gertsen A. I. O romane iz narodnoi zhizni v Rossii (pis'mo k perevodchitse "Rybakov") [About the novel from a national life in Russia]. Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 30 vols. Vol. 13. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958, pp. 170–180. (In Russian)

Gromov V. A. Sud'ba "Zapisok okhotnika" [The fate of "A Sportsman's Sketches"]. Turgenev I. S. *Zapiski okhotnika* [A Sportsman's Sketches]. Moscow, Nauka, 1991. Ser. "Literary Monuments", pp. 532–580. (In Russian)

Kleman M. K. Programmy "Zapisok okhotnika" [Program of "A Sportsman's Sketches"]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Philological sciences*, 1941, no. 76, is. 11, pp. 88–126. (In Russian)

Kovalev V. A. "Zapiski okhotnika" I. S. Turgeneva [I. S. Turgenev's "A Sportsman's Sketches"]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1980. 134 pp. (In Russian)

Kovalevskii M. M. Vospominaniia ob I. S. Turgeneve [Memories of Ivan Turgenev]. *I. S. Turgenev v vospominaniakh sovremennikov* [Turgenev in the memoirs of contemporaries], in 2 vols. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1983, pp. 134–148. (In Russian)

Magun A. V. Vek Prosveshcheniia i politicheskaia mysl' Zh.-Zh. Russo [Age of the Enlightenment and political thought of J.-J. Rousseau]. Magun A. V. *Edinstvo i odinochestvo: Kurs politicheskoi filosofii Novogo vremeni* [Unity and loneliness. The course of political philosophy of the Modern period]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 337–369. (In Russian)

Nedzvetskii V. A. V mire cheloveka i prirody ("Zapiski okhotnika") [In the world of man and nature ("A Sportsman's Sketches")]. Nedzvetskii V. A., Pustovoi P. G., Poltavets E. Iu. *I. S. Turgenev. "Zapiski okhotnika", "Asya" i drugie povesti 50-kh godov, "Ottsy i deti"* [I. S. Turgenev. "A Sportsman's Sketches", "Asya" and other novellas of the 1850s, "Fathers and Sons"]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1998, pp. 4–13. (In Russian)

Ostrovskaya N. A. Iz vospominanii o Turgeneve [From memories of Turgenev]. *I. S. Turgenev v vospominaniakh sovremennikov* [Turgenev in the memoirs of contemporaries], in 2 vols. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1983, pp. 57–95. (In Russian)

Perevezentsev S. V. K voprosu o spetsifike russkoi politicheskoi mysli XI–XVII vv. [On the Specificity of Russian Political Thought of XI–XVII centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Political Science*, 2008, no. 4, pp. 11–22. (In Russian)

Perevezentsev S. V., Shirinians A. A. Stranitsy russkogo "khranitel'stva": literatura i politika [Pages of Russian "hranitel'stvo": literature and politics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Electronic Journal)*, 2016, no. 4. Available at: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/781> (accessed: 13.09.2018). (In Russian)

Pokrovskii M. N. *Ocherki revoliutsionnogo dvizheniia XIX–XX vv.* [Essays on the revolutionary movement of the XIX–XX centuries]. Moscow, Krasnaia nov', Glavpolitprosvet, 1924. 232 p. (In Russian)

Prokudin B. A. I. S. Turgenev i L. N. Tolstoi kak prodolzhateli sotsial'no-politicheskikh idei Zh.-Zh. Russo [Ivan Turgenev and Leo Tolstoy as the continuators of social and political ideas of Jean-Jacques Rousseau]. *Politicheskaya nauka*, 2017, Special is., pp. 213–233. (In Russian)

Rousseau J.-J. Emil', ili O vospitanii [Emile, or On Education]. Rousseau J.-J. *Pedagogicheskie sochineniia* [Pedagogical writings], in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Pedagogika Publ., 1981, pp. 19–592. (In Russian)

Rousseau J.-J. Iuliia, ili Novaia Eloiza [Julie, or the New Heloise]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1968. 775 p. (In Russian)

Rousseau J.-J. Rassuzhdenie o proiskhozhdenii neravenstva mezhdu liud'mi [Discourse on the Origin and Basis of Inequality Among Men]. Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore* [On the Social Contract]. Moscow, Kanon-Press Publ., 2000, pp. 51–150. (In Russian)

Rozanov M. N. Zh.-Zh. Russo i literaturnoe dvizhenie kontsa XVIII i nachala XIX v. Ocherki po istorii russoizma na Zapade i v Rossii [J.-J. Rousseau and literary movement at the end of the eighteenth and early nineteenth century. Essays on the history of Russoism in the West and in Russia]. Vol. 1. Moscow: Tipografiia Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta, 1910. 559 p. (In Russian)

Salim Adnan. *Turgenev — khudozhnik, myslitel'* [Turgenev is an artist, thinker]. Moscow, Sovremennik Publ., 1983. 224 p. (In Russian)

Shirinians A. A. O spetsifike istorii sotsial'no-politicheskoi mysli Rossii [On the specifics of the history of socio-political thought in Russia]. *Obshchestvennaia mysl' Rossii: istoki, evoliutsiia, osnovnye napravleniia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 28–29 oktiabria 2010 g.* [Social thought of Russia. Sources, evolution, main directions. Materials of the international scientific conference]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 536–546. (In Russian)

Skokova L. I. I. S. Turgenev o pravakh cheloveka v "Zapiskakh okhotnika" [Ivan Turgenev on human rights in the "A Sportsman's Sketches"]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2005. 208 p. (In Russian)

Tolstoi L. N. Bernaru Buv'e. 1905 g. Marta 7/20. Iasnaia Poliana [Letter to Bernard Bouvier. 1905 March 7/20. Yasnaya Polyana]. Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 22 vol. Vol. 20. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1984, p. 582. (In Russian)

Turgenev I. S. < Nabrosok avtobiografii > [Outline of the autobiography]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 1. Poems, articles, reviews, prosaic sketches. 1834–1849. Moscow, Nauka, 1978b, p. 401. (In Russian)

Turgenev I. S. < Zapiska o krepostnom prave > [A note on serfdom]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 12. Libretto of comic operas; Vaudeville; Poems; Speeches; Public Memos; Autobiographical Writings; Unfinished; Dubia. 1840–1883. Moscow, Nauka, 1986, pp. 531–547. (In Russian)

Turgenev I. S. FAUST, tragediia, soch. Gete. Perevod pervoi i izlozhenie vtoroi chasti. M. Voronchenko. 1844. Sankt-Peterburg [Goethe's Faust. Translation and retelling of the part 2 by M. Voronchenko. 1844. St. Petersburg]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 1. Poems, articles, reviews, prosaic sketches. 1834–1849. Moscow, Nauka, 1978a, pp. 197–236. (In Russian)

Turgenev I. S. Kas'ian s Krasivoi Mechi [Kasyan from the Beautiful Lands]. Turgenev I. S. *Zapiski okhotnika* [A Sportsman's Sketches]. Moscow, Nauka, 1991b. Ser. "Literary Monuments", pp. 76–89. (In Russian)

Turgenev I. S. Khor' i Kalinykh [Khor and Kalinykh]. Turgenev I. S. *Zapiski okhotnika* [A Sportsman's Sketches]. Moscow, Nauka, 1991a. Ser. "Literary Monuments", pp. 5–14. (In Russian)

Turgenev I. S. Moritsu Gartmanu. 28 iuliya (9 avgusta) 1863. Baden-Baden [Letter to Moritz Hartmann. July 28 (August 9) 1863. Baden-Baden]. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], in 30 vols. Letters in 18 vols. Vol. 5. 1862–1864. Moscow, Nauka, 1988, pp. 353–354. (In Russian)

Turgenev I. S. Mumu [Mumu]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 4. Stories. Articles and reviews. Moscow, Nauka, 1980, pp. 246–273. (In Russian)

Turgenev I. S. Neskol'ko zamechaniy o russkom khoziaistve i o russkom krest'ianine [A few remarks about the Russian economy and the Russian peasant]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie so-*

chinenii i pisem [Complete Works and Letters], in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 1. Poems, articles, reviews, prosaic sketches. 1834–1849. Moscow, Nauka, 1978v. T. 1, pp. 419–430. (In Russian)

Turgenev I. S. Gamlet Shchigrovskogo uezda [Hamlet of the Shchigrovsky District]. Turgenev I. S. *Zapiski okhotnika* [A Sportsman's Sketches]. Moscow, Nauka, 1991v. Ser. "Literary Monuments", pp. 182–200. (In Russian)

Zen'kovskii V. V. *Istoriia russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2011. 880 p. (In Russian)

Zhitova V. N. Iz "Vospominanii o sem'e I. S. Turgeneva" [From "Memories of the Family of Ivan Turgenev"]. *I. S. Turgenev v vospominaniakh sovremennikov* [Turgenev in the memoirs of contemporaries], in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1983, pp. 30–75. (In Russian)

Received: June 1, 2018

Accepted: September 18, 2018

For citation: Prokudin B. A. The Public Ideal in "A Sportsman's Sketches" of Ivan Turgenev: Historical and Politological Analysis. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 226–245. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.202> (In Russian)